

ФЕНОМЕН ИРОНИИ В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

АНОТАЦІЯ

Аналізується феномен іронії в смисловому полі культури. Показано образний простір гри у взаємозв'язку з образним і смисловим простором основних феноменів людського буття.

Ключові слова: іронія, іронік, хаос, гра, маска, маскарад, образ, личина, карнавал, імморалізм, свобода.

АННОТАЦИЯ

Анализируется феномен иронии в смысловом поле культуры. Показано образное пространство игры во взаимосвязи с образным и смысловым пространством основных феноменов человеческого бытия.

Ключевые слова: ирония, ироник, хаос, игра, маска, маскарад, образ, личина, карнавал, имморализм, свобода.

SUMMARY

The irony phenomenon is analyzed in the semantic field of culture. Imaginative play space is shown in conjunction with the neck and the semantic space of human existence main phenomena.

Keywords: irony, ironist, chaos, game, mask, masquerade, image, guise, carnival, immorality, freedom.

В каждую эпоху наряду с теоретической моделью мира существует образный мир, являющийся инвариантом и жизненной основой, достижимой через мир культуры. Пространство мира культуры реализуется через тексты, проявляется через образы, характеристики, представления, рассматриваемые как мотивы. Ирония является неотъемлемой характеристикой современной философии, искусства, литературы и мира культуры. Фундаментальными характеристиками иронии как феномена образного мира являются: таинственность, умалчивание, хаос, игра, маскарадность, отстраненность, опьянение, амбивалентность, демоничность и др.

Образный мир существует сам по себе. Не будучи логически (а также онтологически) связанным со своим объектом, он, тем не менее, пытается захватить объект, превращая его в образ, выстраивая бесконечный зеркальный коридор связанных образов. Образный мир, возникающий при исследовании художественной культуры интертекстуальный. С одной стороны это позволяет увидеть феномен (идею, концепт) сам по себе, вне его авторского или исторического осмысления. С другой стороны, феномен (идея, концепт) предстает как лишенный границ, как осколок других феноменов (идей, концептов), явленных в обра-

зах. Выявление общих характеристик иронического образа действия можно проследить на всем протяжении существования феномена иронии от культуры античности до постмодернизма. Тема ироничного умалчивания связана с вопросами о чем умалчивает ироник и что говорит ироник своим молчанием. Ироник умалчивает как о субъекте, так и об объекте разговора. Субъектом является он сам (как Сократ, предстающий загадкой для своего собеседника). Объектом может быть все, о чем он говорит. Своим молчанием ироник говорит о Тайне. В статье «Идеал женщины» Кьеркегор отмечает: «Да будет она молчалива: молчанием своим сохранит она Слово: молчание ее выразит то, что хранит глубоко-глубоко внутри» [1, 66].

Иронизирующий субъект делает вид, что нет ничего свершенного, решенного, коначного. Основанием для бездействия может быть и некая принципиальная позиция. В этом случае бездействие оказывается мудростью. Субъект бездействует потому, что ему сначала надо все как следует взвесить. «Ирония ... резвится между контрастами и не спешит встать на чью-либо сторону и принять решение: ибо ... любое решение может оказаться преждевременным и неокончательным» [2, 603].

Иронику неведомы критерии выбора, необходимые для результативности его

деятельности. И он либо притворяется деятельным, либо боится сделать шаг, либо отказывается от действий. Бездействие порождает особый вид иронической свободы без выбора. Ироник пытается использовать все возможности сразу, не отдавая предпочтение ни одной из них. Живя под маской, ироник, примеряя на себя противоположные взгляды и убеждения, осознает хаотичность мира, принимает ее и живет в ней. Осознавая хаотичность мира, ироник одновременно осознает его случайность и произвольность расположения составляющих мир элементов. Но если мир строится на случайности, то и человек является составляющей частью этого мира, случаен, равно как случайны и его взгляды и поступки.

Выбор чаще всего случаен, он представляется игрой хаоса. Свобода в понимании ироника – произвол, это не «осознанная необходимость», а признание случайности. Феномен иронии связан с миром игровой культуры. Если основное отличие игры от не-игры в том, что первое – нерезультативная деятельность, а второе – продуктивная, то границы игры / не-игры весьма размыты. В любой игре присутствует элемент серьезности и в любом серьезном занятии – элемент игры. В игровом сознании игра – это субъективное знание: она существует, пока субъект воспринимает ситуацию как игровую. Ироник – серьезный игрок и игривый мудрец, в его сознании сосуществует игра / не-игра.

Умение совмещать эти два момента присущи культурному миру ребенка. Ребенок играет серьезно, но при этом знает, что он играет. У ироника игра / не-игра сливаются в сознании в одно целое. Сознание ребенка и сознание ироника – это как хаотичность начала и хаотичность конца. Все, к чему обращается ироничное сознание, теряет свое значение, приобретает иной вид: становится смешным, грустным, слишком маленьким или слишком большим. Ребенок еще не знает «значение вещей», что дает ему возможность наслаждаться игрой. Ироник, лишая вещи значения, обесценивает их, что дает повод критиковать ироническую позицию, обвиняя ее в различных метафизических, моральных, эстетических «убийствах». Ироник удваивает действительность, творит инобытие, что раскрывается в образе маскарада, сопутствующего понятию иронии.

В мире культуры мотив маски, маскарада, карнавальности, театральности, связан с иронической и игровой интенцией выделиться из обычной ситуации, провозгласить свое «инобытие». Игра, ирония и театральное действие – особые, выделенные из повседневного контекста ситуации. Ироник, примеряющий маски, становится то одним, то другим, что воспринимается со стороны как лицемерие (примерка другого лица), образование «личины».

Культура Романтизма попыталась посмотреть на ироника изнутри, указывая на ироническое свойство исполнять в жизни различные роли, обнаруживать в себе множественность личностей, способных управлять своими возможностями. В романтической интерпретации есть намек на искренность ироника, у которого отсутствует фальшь как в правильно настроенном музыкальном инструменте, издающем чистые звуки.

В мире экзистенциальной культуры ироник не привязан ни к какой ситуации, он живет своим внутренним миром, не нуждаясь в мире реальном. В такого рода «безграничной свободе» он переживает чужие чувства, чужие мысли, чужие жизни, делая это без лицемерия. Принося в жертву свою личность, «маскируясь» другими личностями, ироник утверждает себя. У ироника преобладает стремление быть всем и ничем, вобрать в себя все и раствориться в нем. Спрятаться ему помогает маска, которая, с одной стороны скрывает, а с другой – всегда что-то демонстрирует. Маска определяет грань между бытием и ничто, наличием и отсутствием. Она скрывает тайну за которой прячется конкретное наличие какого-то содержания, неизвестность, мерцание отсутствия, присутствия некое неизвестное. Через связь с неизвестностью и тайной во многих культурах объясняется связь маски со смертью. Демонстрируя некоторую реальность, факт смерти оставляет в неизвестности, ставит перед лицом тайны. Тайна – это двусмысленность, присутствие и отсутствие.

Ирония исследуется в сфере эстетической культуры. В карнавальном начале иронии присутствуют мотивы опьянения, переворачивания с ног на голову представления о добре и зле, о черном и белом.

Ироническая героизация состоит в искусственном преображении и возвеличении данной действительности, при одновременном знании истинного положения дел, состо-

ящего в отсутствии этого величия реальности. Отстраняясь от реальности, ироник наблюдает за ней, чтобы вмешаться в нее и поэтически преобразовать. Иронику удастся быть всем и одновременно вне всего, быть наблюдателем и действующим лицом при использовании псевдонима-маски. Платон в своих диалогах, не принимая в них участия, скрывается под маской своих героев. Писатель-ироник демонстрирует дистанцию между автором и предметом изображения, между собой и своими героями, прибегая к реминисценциям, помещая чужой текст в контекст своего текста. Иронику-зрителю в его созерцании могут быть доступны не отдельные стороны объекта (ситуации), а объект (ситуация) целиком, в начале ситуации он видит ее уже завершенной, т.е. предвидя ее. Ироник направлен своим сознанием в будущее и одновременно в прошлое, он странствует предчувствуя и предвидя. Странствуя в области своего персонального «Я», он примеряет маски и образы, не смея быть кем-то одним определенным, не замыкаясь в мире своего «Я». Странник чувствует себя бездомным, отсутствие «дома» дает ему возможность чувствовать себя причастным к любой культуре, любой системе ценностей, не отдавая предпочтение ни одной из них. Ирония для странника предстает неким жизненным путем, на котором нет истины, а есть только ее поиск. Странник всегда «чужой», он чувствует себя чужим в любой культуре, понимая случайность своего положения. Другие тоже воспринимают странника как чужого. Человек, живущий в обществе с чуждыми ему законами, традициями и моралью и несущий в это общество свои законы, загадочен и непонятен. Чужой предстает как некий таинственный объект и в этом качестве его могут воспринимать как

новое, чужое, которое может представляться «опасным», наделенный некоей таинственной силой, всегда амбивалентной: и злой, и доброй, социально опасен, ему неведома общественная мораль. Зло и добро, разрушение и созидание соединяются в иронике в образах божественного и демонического начал. Демоническое или точнее дионисийское начало, в котором соседствует разрушительное, темное, хаотическое с одной стороны, и игровое, карнавальное – с другой. Ироник имморален, он находится по ту сторону морали и этики, он за гранью морали. Ироническое поведение подобно болезни, симптомы которой проявляются в поведении с элементами «чужаковости», впадения в детство, недееспособности, игнорирования общественной морали.

Таким образом, феномен иронии в мире культуры предстает как маскарадность, театральность, игра, амбивалентность, имморализм, таинственность, болезнь, смерть, божественное, демоническое, странничество, разрушительность. Ирония является частью современного восприятия мира в его разорванности и множественности, маскарадности и псевдонимичности. Она позволяет находить некие инварианты явлений, понятий и концептов, наблюдая своеобразный диалог поэтик различных феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф., Шестаков В.И. История эстетических категорий / А.Ф. Лосев, В.П.Шестаков. – М.: Искусство, 1965. - 376с.
2. Манн Т. Собрание сочинений в 10 томах / Томас Манн. – М.: Худ. лит-ра, 1965.
3. Роде Петер. П. Сёрен Киркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Петер П. Роде. – Челябинск : Урал LTD, 1998.

